

А. НАШИНА-ЕВРЕИНОВА.

ПОДПОЛЬЕ ГЕНИЯ

(Сексуальные источники
творчества Достоевского)

Рисунок на обложке работы Н. П. АКимова.

Издательство „ТРЕТЬЯ СТРАЖА“.
ПЕТРОГРАД
1923.

Глава II

ЛИЧНЫЕ РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО, КАК ОСТАТОЧНАЯ ОТ ТВОРЧЕСТВА ПОЛОВАЯ ЭНЕРГИЯ.

Проф. И. И. Лапшин¹, говоря о влиянии полового влечения на творчество, о неразрывной связи этих двух сильнейших, но разнополюсных устремлений, делает ссылку на Шопенгауэра, который, сознавая взаимодействие этих сил, пишет: «в дни и часы, когда влечение к сладострастию проявляется с наибольшей силой... пылающее вожделение... именно тогда высшие духовные силы — *лучшее сознание* — готовы к величайшей активности». (Moebius. Schopenhauer: 56). Т. е. движение таково — из нашего сладострастного возбуждения, при нажиме воли и при интеллекте, влекомом высшими целями, рождается напряженное творчество. Сам Шопенгауэр говорит: «...в подобные часы переживаешь более, чем в годы душевной тупости»². Но всегда ли возможно трансформировать *низшее* желание в *высшие* стремления? Не бывает ли, даже при максимальном волевом усилии, направленном на то, чтобы перевести стремление снизу наверх, остаточного законного желания удовлетворить естественные требования тела? Нельзя постоянно начисто переводить напряженное желание из одной плоскости в другую. Психика может не выдержать. Вспомним известный анекдот о цыгане, желавшем приучить не есть свою лошадь: «...совсем почти есть не стала, но через несколько дней

¹ «Философия изобретения и изобретение в философии», ч. II, глава «Творческий эрос и архитектурный инстинкт».

² Там же.

сдохла». Так и с низшими желаниями: переводя до бесконечности в высшие — в творчество, можно постоянной половой неудовлетворенностью загнать себя в психоз. Но так как у Достоевского несомненно его творчество, столь пламенное, столь истощающее нервные силы, поглощало большую часть и его низших желаний, то интересно посмотреть, каковы же были у него остаточные, уже исчерпанные творчеством, половые удовлетворения. У меня убогий биографический материал (да и кто достанет большие и интереснейшие сведения из столь секретной области), но и все изложенные далее данные, приняв во внимание, что это лишь остаток от пожирающего нервы творчества, дают представление о раздиравшей его существо сладострастной силе¹.

Петербургский период начала его литературной карьеры, по-видимому, был необычайно бурен в половом отношении. Здесь чувственность его толкала не только к «порядочным» женщинам, а и «погибшие, но милые создания» тоже не забывались... Так, он жалуется брату в письме: «Минушки, Кларишки, Марианны похорошели донельзя, но стоят страшных денег», И дальше: «На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь»². И хотя д-р Ризенкампф³, часто встречавшийся с ним в этот период, и думает, что у Достоевского не было привязанности к хорошеньким женщинам, но тут же и он добавляет: «...может быть в этом отношении он скрывал кое-что»,

Достоевский постоянно пишет о собственном беспутстве, и потом уже в Сибири с ужасом вспоминает о своей петербургской жизни⁴.

В чем там был ужас — сказать наверное, по имеющимся у меня биографическим сведениям, трудно, но

¹ Разговаривая как-то по этому поводу с К. И. Чуковским, раздобывшем интересные и совершенно новые материалы о Некрасове и попутно о Достоевском (см. «Каменное сердце»), я с чрезвычайным интересом выслушала от него такую характеристику Достоевского: «Да, для меня совершенно ясно, что как Некрасов, так и Достоевский недели не могли прожить без женщины».

² Письмо от 16 ноября 1845 г.

³ См. его воспоминания о Достоевском.

⁴ См. «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» О. Миллера. «По собственным словам Ф. М-ча он сошел бы с ума, если бы не катастрофа, которая переломила его жизнь (занесено в записную книжку Анной Григорьевной)».

здесь интересно первое впечатление **Страхова***, до некоторой степени проливающее свет на направление ума Достоевского. Правда, это впечатление Страхова относится к более позднему времени (к периоду издания «Времени»), но и оно может быть интересно как характеризующее общий тон мыслей Достоевского¹. «С удивлением замечал я, что тут не придавалось никакой важности всякого рода *физическим* излишествам и отступлениям от нормального порядка... Безобразие духовное судилось тонко и строго, безобразие плотское не ставилось ни во что. Эта странная *эмансипация* плоти действовала соблазнительно и в некоторых случаях повела к последствиям, о которых больно и страшно вспомнить... Некоторые на моих глазах умирали или сходили с ума от физических грехов»².

Все это говорится о кружке писателей, сгруппировавшихся около Достоевского по возвращении его из ссылки. Может быть Страхов и преувеличивает остроту положения (умирали! сходили с ума!), но что такое впечатление беспардонной разнузданности плоти, по-видимому, было, и именно от самого Достоевского, он повторяет уже несколькими годами позднее в своем письме к Толстому,

Но к этому письму я вернусь дальше. Пока я только хотела этим впечатлением Страхова пролить хоть какой-нибудь свет на общее состояние психики Достоевского, вызывавшееся, может быть, половыми излишествами, объектами которых нередко являлись даже Минушки, **Кларушки**, и *tutti quanti***. Тем более что Достоевский был в это время постоянно в состоянии острого возбуждения, под влиянием быстрого и исключительного успеха «**Бедных людей**». Потекли деньги, слава кружила голову. Поступавшие деньги тратились без замедления на дорогую квартиру, на весь его тогдашний *train de vie****, на женщин, которые «так хороши, но стоят так дорого». Что первое возбуждение его страстной природы было тогда чрезвы-

¹ Страхов. Воспоминания. Первая встреча, стр. 273—274.

² Насколько это впечатление записано в смягченной форме, взгляните на отзыв о нем самого Страхова в письме к Толстому (от 28 ноября 1883 г.) почти через три года после смерти Достоевского: «Много случаев рисуются мне гораздо живее, чем то, что мною описано, и рассказ вышел бы гораздо правдивее; но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною *лицевою* стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем». «Переписка Страхова с Толстым», изд. Толстовского музея.

чаино напряженным, это вполне естественно следует из общего нервного напряжения.

Факты, следовавшие за первым, петербургским периодом — именно крепость, каторга, — казалось бы, совершенно исключают всякую возможность что-либо узнать, так или иначе подтверждающее мои предположения. Что я знаю о его увлечениях и страстях за время пребывания в тюрьме? Конечно, ничего. Но с 1849 г., с самого заключения в крепость, в письмах к брату Михаилу Михайловичу Достоевский жалуется на злостный геморрой, который мучит его до 1864 года, пока у него не делается воспаление мочевого пузыря¹. (Заметьте, что жалобы начинаются непосредственно после бурной петербургской жизни и собственных уверений в беспутстве и разврате).

Беру популярно написанную брошюру д-ра Рипке о геморрое² и читаю: «Моментами, способствующими появлению геморроя, следует считать воспалительное раздражение заднего прохода, прямой кишки и мочевого пузыря³, *половые излишества*, онанизм, злоупотребление спиртными напитками. Все эти моменты усиливают прилив крови к нижней области таза, следовательно, ведут к переполнению сосудов кровью и расширению их».

Кроме перечисленных моментов д-р Рипке указывает на сидячую жизнь, полнокровие, что едва ли было у Достоевского первого буйного петербургского периода. (Заметим, что арест был 23 апреля, а 18 июля Достоевский говорит о геморрое, как о старой, привычной болезни; очевидно, он начался у него значительно раньше заключения в тюрьму).

Делать вывод предоставляю читающему.

Мои изыскания в области физиологической жизни Достоевского не ограничиваются геморроем. Вторым патологическим моментом, указующим на болезненный перелом организма за время каторги, связанный с принудительным сексуальным постом, является эпилепсия.

Binswanger* дает такое определение эпилепсии: «Эпилепсия есть хроническое заболевание центральной нерв-

¹ Письма от 18 июля 49 г., 27 августа 49 г., 29 октября 50 г., 9 февраля 64 г. и др.

² Д-р Рипке. «Геморрой и его лечение».

³ Воспаление мочевого пузыря у Достоевского было значительно позднее, и оно не могло быть причиной геморроя, наоборот, явилось следствием его (письмо от 9/II-64 г.).

ной системы, которое состоит в часто повторяющихся судорожных припадках с потерей сознания». Этим определением эпилепсии как хронической болезни центральной нервной системы был переброшен твердый мост к учению Фрейда о сексуальной подкладке невротизма. «Люди заболевают, если им нельзя реально удовлетворить свою эротическую потребность», — повторяю я еще раз цитированную фразу Фрейда. На каторге Достоевскому нельзя было ее удовлетворить (вспомним, с каким ужасом говорит он в «Мертвом доме», о «женщинах» редких каторжан). Эта потребность была в нем, по-видимому, настолько сильна, что клокотавшая и не находившая исхода сексуальность от времени до времени разрешалась в нервных припадках, вылившихся со временем в хроническую, не поддающуюся лечению форму — в эпилепсию. Замечательно, что до каторги он переживал мучительные приступы психического недуга, каторга принесла успокоение и... эпилепсию. Вспомнив теорию Фрейда, что болезнь является эквивалентом, почти до конца исчерпывающим половую потребность, может стать понятен и Достоевский.

Психические недуги прекращаются у Достоевского еще, может быть, потому, что сразу по выходе из каторги он сходится со своей будущей женой — Марией Дмитриевной, которую его дочь характеризует, как женщину «восточных страстей», в жилах которой бурлила кровь ее предков — страстных мамелюков¹. Что это были за страсти, что за любовь — мы можем только догадываться.

Связь длилась с 1854 по 1857 год. Мария Дмитриевна успела за это время овдоветь, собраться замуж за Достоевского, потом переменить решение, чуть не выйдя за другого, тем временем завела, помимо претендентов на ее руку, любовника (домашнего учителя из Кузнецка) и, наконец, сочеталась браком с Достоевским в феврале 1857 г.

Если судить по свидетельству Любви (Aimée) Достоевской, то это просто какой-то дьявол в юбке. Достаточно указать, как она невестой проводит вечер накануне свадьбы: Am Vorabend ihrer Hochzeit hatte M. D. die

¹ Dostoevski, geschildert von seiner Tochter (die erste Ehe). Reinhardt Verlag. München.*

² О всех перипетиях любви Достоевского к первой своей жене рассказано в воспоминаниях бар. Врангеля,

Nacht bei ihrem Liebhaber einem, kleinem Hauslehrer, zugebracht ¹. *

А вот поездка супругов Достоевских из Сибири в описании дочери: «Auf jeder Station hinterliess sie ihm (учителю) einige eilige geschriebene Liebvorte, teilte ihm mit, wo sie die Nacht zubringen würden, befahl ihm, au! der vorgehenden Station anzuhalten, um sie nicht zu überhelen. Was mag diese weisse Negerin für ein Vergnügen daran gehabt haben, das kindlich glückliche Gesicht ihres armen Dichtergatten zu betrachten» ². **

Такова в изображении Любви Достоевской первая жена писателя. Темперамент безмерен, необуздан, кроме того, она хитра, злобна. Прожив 7—8 лет с Достоевским, находясь все это время в связи с любовником (домашним учителем), она, наконец, озлобленная тем, что любовник ее бросил, раскрывает ничего не подозревавшему мужу, наивно верившему в ее чистоту (?) тайну своей связи и, бесстыдно-циничная, заключает словами:

«Eine Frau, die etwas auf sich hält, wird niemals einen Mann lieben können, der vier Jahre in Gesellschaft, von Dieben und Mörder im Zuchthause gearbeitet hat» ³. ***

И семь лет чуткий, обладавший сверхинтуицией Достоевский не подозревал этого. Уж не ошибается ли «осведомленная» Любовь Федоровна в объяснении психологии Достоевского и не было ли у Марии Дмитриевны Исаевой-Достоевской иных оснований «любовников заводить» и так ненавидеть своего мужа, как она ненавидела, и не мирился ли с этими изменами сам Федор Михайлович в силу тех или иных обстоятельств? ⁴.

Следуя дальше описаниям Л. Достоевской любовных

¹ Цит. соч.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Тем более что после ее смерти он очень тепло о ней отзывается: «Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя умерла в Москве. Я переехал вслед за нею, не отходя от ее постели всю зиму 1864 г, и 16 апреля она скончалась... О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо». (Письмо к Врангелю от 31 марта 1865 г.). А тот же Врангель рассказывает, как, во время самой пламенной любви к Марии Дмитриевне, Достоевский увлекался некой Мариной О., молодой, красивой, развязной девушкой, и добавляет; «...впоследствии, когда Достоевский был женат, Марина не раз служила причиной ревности и раздора между Марией Дмитриевной и Федором Михайловичем», Воспоминания Врангеля, стр. 82 (в кн. Чехихина «Ф. М. Достоевский»).

драм ее отца, мы узнаем, что абсолютно чуждый женщин (!) до сих пор (кроме жены, конечно) Достоевский решил мстить ей той же монетой, т. е. изменой (а не было ли это просто влечением к новой, более молодой, более интересной женщине, потому что какая же месть, если новый роман должен был быть сохранен в строжайшей тайне от жены — объекта мести).

Он сходится с молодой, «свободомыслящей», своей слушательницей, очень «пикантной», красивой девушкой — Полиной Н. Познакомился он с ней, по-видимому, или в конце 1861 г., или в самом начале 1862 г. Из «африканских страстей» Марии Дмитриевны он попадает под не менее «восточно-страстно-мучительные» чары красоты Полины Н. (По-видимому, таков был вкус, не мог же «маг и волшебник» психологии так безобразно попадать впросак на пятом десятке). Летом 1862 года Достоевский собирается поехать за границу с Полиной, но внезапно из-за журнальных дел задерживается, Полина уезжает одна. Через две недели после ее отъезда она пишет Достоевскому, что полюбила другого и между нею и Достоевским все и навсегда кончено¹. Но Достоевский мчит-ся все-таки в Париж, где при встрече Полина объявляет ему, что она нашла идеал мужчины в своем новом любовнике, что она никогда с ним не расстанется и не вернется в Россию.

Вот только тут-то Достоевского, как думает Любовь Федоровна, и разжигает впервые жажда эротических переживаний. Он пишет Страхову после поражения в Париже, приглашая его приехать за границу: «Увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго приласкаем молодую венецианку в гондоле (а, Николай Николаевич?) Но... „ничего, ничего, молчание“, как говорит Поприщин в этом же самом случае»².

Осенью Достоевский возвращается вместе со Страховым в Россию, а зимой он получает письмо от Полины с призывом приехать, потому что парижский любовник ее бросил. Достоевский едет в Париж только за тем, как думает Любовь Федоровна, чтобы вернуть спокойствие духа неутешной Полине. Но дело кончается, однако, тем,

«Это твоя вина, — пишет Полина, — зачем ты так долго (!) остав-лял меня одну» (весь роман с Полиной цитирую из книги Л. Достоевской).

² Письмо из Парижа от 26 июня 1862 г. к Н. Н. Страхову, помещенное в его «Воспоминаниях».

что он забирает ее из Парижа и они вместе совершают путешествие по Рейну, заезжают в Висбаден, где Достоевский азартно играет в рулетку¹, и, наконец, направляются в Италию². Сама Л. Достоевская, несмотря на уверения, что отец ее до 40 лет жил как святой (*wie ein Heiliger*), сознается, что в это время он совершает безумства, толкаемый жаждой эротических переживаний.

Вернувшись снова вместе с Полиной осенью в Петербург, он узнает, что Мария Дмитриевна безнадежно больна, и отправляется за нею в Тверь, чтобы отвезти ее в Москву. Он окружает ее заботами в Москве и проводит сам всю зиму там до самой ее смерти (16 апреля 1865 г.).

Связь с Полиной, однако, не прекращается, пока последняя (по словам Л. Достоевской), разочаровавшись в Достоевском после ругательного приема «Преступления и наказания», в 1866 году не бросает его. Итак, связь с Полиной длилась приблизительно 4—5 лет, правда, с продолжительными перерывами.

После смерти жены Достоевский влюбляется в Анну Корвин-Круковскую. По воспоминаниям Софьи Ковалевской, урожденной Круковской, сестры Анны, Достоевский далеко не платонически любил Анну. Он говорил о страсти, о желании обладать ею. Как Л. Достоевская ни желает показать, что это было не более как «литературная дружба» («*litterarische Freundschaft*»), но воспоминания С. Ковалевской повторяют буквальные слова Достоевского о его любви и страсти к Анне³. Он ей делал предложение, но Анна, не отвечавшая Достоевскому с пылом, равным его пылу, отказала. Уехав к себе в имение, она вскоре получила от Достоевского извещение о его женитьбе на Анне Григорьевне Сниткиной.

Итак, за время с 1859 по 1867 г. мы проследили четыре любовных увлечения — сначала Мария Дмитриевна (со своей «африканской любовью») до 1865 г., одновременно с нею завязывается роман с Полиной («восточные страсти»), с 1861 по 1866 г., к концу связи с Полиной⁴ он

¹ Из этих переживаний родился «Игрок», главная героиня которого носит имя Полины.

² Впечатление от Италии было колоссальное, и Достоевский чувствовал себя, по-видимому, превосходно, тратил широко деньги и наслаждался жизнью. (По письму к Страхову из Рима от 18 сентября 1863 г.).

³ С. Ковалевская. Воспоминания, «Вестник Европы». 1890 г. VIII т.

⁴ Мне трудно установить год по имеющимся у меня источникам. С. Ковалевская в своих воспоминаниях говорит, что ему было тогда 43 года, то есть это должно было быть или в 1864 г. или в 1865 г., а

влюбляется в Анну Корвин-Круковскую (страсть и желание обладать, по словам С. Ковалевской, и только «литературная дружба» с намерением жениться без любви, по словам Л. Достоевской) и, наконец, брошенный Полиной Н., оставленный ушедшей в лучший мир Марией Дмитриевной, он женится на своей стенографистке А. Г. Сниткиной. Усталый, измученный болезнью, обремененный долголетним опытом и переживаниями, он, наконец, находит покой и заботы о себе.

Еще маленькое прибавление: два впечатления лиц, знавших Достоевского. Страхов характеризует его: «...он был зол, завистлив, развратен... Заметьте, что *при живом сладострастии* у него не было никакого чувства женской красоты и прелести. Лица, наиболее на него похожие, это герой „Записок из подполья“, Свидригайлов и **Ставрогин** (!)¹. Насколько это впечатление изложено беспристрастно, я не знаю, но сказано поистине сильно. Руководясь здесь только одной житейской незыблемой истиной: нет дыма без огня, а из такого столба едкого дыма, как обвинение Страхова, беру ту правду, которая неизбежно должна в нем таиться, тем более что Страхов был одним из его ближайших друзей и именно с этой стороной его характера был хорошо знаком².

Чешихин-Ветринский³ во вступительной статье к книге о Достоевском замечает на ту же тему: «...молодость Достоевского богата одинаково и страстями, **всепокрывающим** тяготением к миру духовных интересов и, по видимому, *увлечениями вполне низменного порядка*... В нем, как в его Мите Карамазове, **бүшевэл Содом и рвался наружу, чтобы поругать и осквернить образ Мадонны**».

Почтенный критик, имевший несомненно известные основания к такой характеристике молодости Достоевского, не поясняет, к сожалению, в каких границах понимается им «молодость».

Л. Достоевская говорит, что знакомство началось не ранее выхода в свет «Преступления и наказания», т. е. не ранее 1866 г. Но хронологические сведения Л. Достоевской, как очень тенденциозно искаженные, не заслуживают серьезного внимания.

¹ Цитированное письмо Страхова к Толстому,

² Л. Достоевская называет его в числе лучших друзей (гл. *Em Liebesabenteuer*), собрание писем к Страхову, приглашение его на свадьбу (вторая женитьба) и, главное, письмо из Парижа с приглашением попутить в Италии,

³ Под. ред. Грузинского кн. «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках».

Вот и все скудные биографические материалы, относящиеся к интересующей меня стороне личности Достоевского. Эти куски из его жизни не «plat de resistance»* моей работы и не на этом я хочу ее «строить», но и этот незначительный материал все же нечто, что «льет воду на мою мельницу». Если бы после смерти Достоевского от него ничего не осталось, кроме впечатлений и воспоминаний лиц, лично его знавших, то тогда, конечно, психоанализ его личности мне и пришлось бы делать только по этим материалам. Но так как собственное духовное наследие Достоевского — его произведения и есть то **главное**, что передает нам через пропасти времени его желания, цели, вкусы, надежды, весь его психический багаж, то и обратимся к этому наследию, как к главному источнику для психоанализа.

Насколько же можно воссоздавать духовную, а из нее и сексуальную жизнь писателя по его произведениям, на это ответит сам Зигмунд Фрейд.

Ведь кроме бегства в болезнь от неудовлетворенности своих эротических потребностей он знает еще один выход: «Если враждебная действительности личность обладает **психологически** еще загадочным для нас художественным дарованием, она может выражать свои фантазии (эротические) художественными **созданиями**»¹.

Т. е. через творчество перегонять свои эротические желания в создаваемые образы. Таковой процесс перегонки Фрейд называет *сублимацией* (процесс, где эротические желания бессознательно перегоняются в другие, высшие, даже часто внешне ничего общего с сексуальностью не имеющие, **стремления**). В Достоевском же сексуальность обладала, по-видимому, такой силой, что даже разрезаемая припадками эпилепсии, сублимируемая в **творчестве**, она гнала его создавать такие образы, как отец Карамазов, **Ставрогин**, Свидригайлов и другие, несравненно более яркие, чем идеалист **Зосима**. Столь пристальный интерес к типам, подобным перечисленным, уже в самом своем направлении кажется чрезвычайно **подозрительным**. **Chaque vilain trouve sa vilaine****, — говорят французы, и это относится не только к обывательской жизни, но и к **творчеству**.

¹ Фрейд. «О психоанализе», гл. V, стр. 61.